

Чжоу Цзыцянь вернулся из больницы, обнаружив, что Е Тао уже спит. В спальне горела лишь настенная лампа, мягкий желтый свет падал на мирно спящего юношу, создавая в душе inexplicable чувство уюта.

Раньше Чжоу Цзыцянь считал своего племянника источником постоянных хлопот и беспокойства. Даже сейчас, когда тот стал более сдержанным, он все еще не мог полностью расслабиться. Однако, сравнивая его с Гуань Бином, который, устроив побег из дома, чуть не довел своего приемного отца до сердечного приступа, Чжоу Цзыцянь осознал, что был слишком требовательным.

Е Тао проснулся от звука журчащей воды и, проследовав за ним, обнаружил Чжоу Цзыцяня в ванной, который одной рукой умывался. Е Тао взял его зубной стакан, наполнил водой, выдавил пасту и, пока тот чистил зубы, набрал ванну. Затем он отправился в спальню за пижамой.

Гипс на руке Чжоу Цзыцяня уже сняли, но его предплечье, еще не зажившее до конца, было зафиксировано повязкой, свисающей с шеи. Одеваться и принимать душ он мог только с чьей-то помощью. Е Тао, деливший с ним спальню, естественным образом взял на себя обязанности ухаживать за раненым. Хотя он уже справлялся с этим с легкостью, каждый раз, сталкиваясь с обнаженным Чжоу Цзыцянем, он не мог избежать легкого смущения. Иногда ему приходилось мысленно повторять молитвы, чтобы успокоить свои чувства. Позже он смеялся над собой, но ничего не мог поделать — он знал, что не должен испытывать влечение к этому человеку, но оно все равно возникало.

Чжоу Цзыцянь не подозревал о внутренней борьбе Е Тао и вел себя как настоящий сорвиголова, часто мокрыми пальцами щипая покрасневшие уши юноши, спрашивая, когда же этот «плод» созреет, чтобы он, дядя, мог попробовать его на вкус. Если бы не спокойствие Е Тао, кто-то другой, возможно, швырнул бы в него мокрым полотенцем.

— Дядя, с твоим другом все в порядке? — спросил Е Тао, помогая Чжоу Цзыцяню надеть пижаму. Сегодня его слишком дразнили, и он, слегка раздраженный, почти дергал за воротник, застегивая пуговицы. Однако его лицо оставалось спокойным, и в голосе не было и намека на злобу.

— Всё обошлось, — ответил Чжоу Цзыцянь, похлопав по руке, державшей его воротник. — Ладно, не застегивай так туго.

Они вернулись в спальню и легли в постель. Е Тао закрыл глаза, собираясь продолжить прерванный сон, как вдруг услышал вопрос от человека рядом:

— Если бы ты поссорился со мной и сбежал из дома, куда бы ты пошел?

Е Тао знал, что Чжоу Цзыцянь вернулся поздно из-за визита в больницу к другу, но подробностей не знал. Услышав вопрос, он удивленно посмотрел на него.

Чжоу Цзыцянь вкратце рассказал Е Тао о побеге Гуань Бина, предложив тому представить, куда бы он сам отправился и что бы делал в подобной ситуации. Гуань Бин был ровесником Чжоу Юньси, и Чжоу Цзыцянь считал, что Е Тао, как сверстник, лучше понимает его мотивы.

Подумав, Е Тао честно ответил:

— Если бы я поссорился с семьей и убежал, я бы нашел тихое место, где меня никто не побеспокоит, чтобы разобраться в своих мыслях и решить, что делать дальше.

— Твой анализ логичен, но если бы он был таким же рассудительным, как ты, он бы не сбежал,
— сказал Чжоу Цзыцянь, поцеловав Е Тао в лоб на ночь. — Ладно, хватит о нем думать, спи.

Первая трата по черной карте была зафиксирована в апарт-отеле внутри Второго кольца. Команда, занимавшаяся поисками Гуань Бина, получила сообщение и немедленно отправилась туда, найдя пропавшего более месяца назад молодого господина Гуаня к вечеру того же дня.

У Гуань Бина еще оставались наличные, но он использовал карту, чтобы его нашли. Однако он не ожидал, что это произойдет так быстро. Он рассчитывал провести в отеле еще несколько дней. Еще больше его потрясло то, что его приемный отец заболел из-за его исчезновения.

Встретившись в больнице, Гуань Бин был одновременно раскаивающимся и напуганным. Он плакал, обещая Гуань Цзиньжуну, едва избежавшему смерти, что больше никогда не будет так безрассуден. Гуань Цзиньжун, видя его слезы, не смог его упрекнуть.

На следующий день Чжоу Цзыцянь пришел в больницу навестить их. Время его визита оказалось неудачным — в палате был только сиделка, а отец и сын отправились на прогулку.

— Присаживайтесь, — сказала сиделка, наливая Чжоу Цзыцяню чай, после чего вышла, чтобы найти их.

Палата Гуань Цзиньжуна находилась на третьем этаже, окна выходили на небольшой сад внизу. Чжоу Цзыцянь случайно взглянул вниз и заметил отца и сына, сидящих на скамейке и о чем-то беседующих. Хотя они не проявляли особой нежности, между ними была атмосфера, в которую никто другой не мог вторгнуться.

Говорят, что душевные болезни лечатся душевными средствами. Гуань Бин явно стал лекарством для Гуань Цзиньжуна. Вскоре после его возвращения Гуань Цзиньжун выписался из больницы. Хотя главной причиной успеха было то, что Гуань Бин уже хотел вернуться домой, Чжоу Цзыцянь все же приложил усилия. Перед возвращением в Хуэйчжоу отец и сын специально пришли с богатыми подарками, чтобы поблагодарить его.

Гуань Бин был на год старше Чжоу Юньси и на голову выше болезненного юноши из семьи Чжоу. Его внешность была на семь частей мужественной и на три — изящной. Его манеры не выдавали крайне бунтарского подростка, но в нем все же чувствовалась детскость. В конце концов, он был еще молод, неопытен и не слишком изощрен в общении.

Когда Гуань Цзиньжун поднял бокал, чтобы поблагодарить Чжоу Цзыцяня, Гуань Бин под столом потянул его за одежду, намекая, что тому стоит поберечь свое здоровье после болезни. Хотя жест был небольшим, забота и привязанность Гуань Бина к приемному отцу, даже более сильные, чем у кровных родственников, передались через это маленькое действие. Чжоу Цзыцянь, заметивший это, невольно вспомнил горькую усмешку Гуань Цзиньжуна и его странные слова: «Он думал, что я хочу снова жениться».

Хотя Гуань Цзиньжун был выходцем из купеческой семьи, он уделял большое внимание личному развитию. В эпоху, когда деньги решают все, его называли «ученым купцом», что говорило о его утонченности и воспитании. Чжоу Цзыцянь не мог отнести такого человека к числу богачей и власть имущих, которые усыновляют детей ради собственного удовольствия. Однако между отцом и сыном иногда проскальзывали намеки на что-то более глубокое. Впрочем, это были личные дела, и Гуань Цзиньжун не был соперником Чжоу Цзыцяню, поэтому он не стал копаться в их секретах и вскоре забыл об этом.

Если бы отношения Чжоу Цзыцяня и Гуань Цзиньжуна не развивались дальше, ограничиваясь

лишь визитами на праздники, Чжоу Цзыцянь, как посторонний, никогда бы не узнал, были ли между ними скрытые отношения. Однако после этого инцидента Гуань Цзиньжун отнес Чжоу Цзыцяня к числу людей, с которыми можно сблизиться.

Летом того года Гуань Бин поступил в лучший университет столицы. Гуань Цзиньжун, беспокоясь за приемного сына, попросил Чжоу Цзыцяня присмотреть за ним, а сам стал часто летать между югом и севером, проводя в столице по несколько дней каждый месяц. Гуань Бин усердно учился, а Гуань Цзиньжун поддерживал его, иногда вздыхая: «Современные дети так тяжело учатся, и родителям тоже нелегко».

Чжоу Цзыцянь соглашался, хотя не испытывал особого сочувствия. Его собственный ребенок не учился в престижном университете, поэтому он не мог понять этой гордости и трудностей.

Пока Чжоу Цзыцянь и Гуань Цзиньжун беседовали, Е Тао развлекал веселого и энергичного гостя. Гуань Бин, когда не был в плохом настроении, был приятным собеседником. Его мысли не были простыми, но в нем не было злого умысла. Считая себя на год старше Е Тао, он взял на себя роль старшего брата и, сдружившись с ним, каждый раз при встрече старался вытащить Е Тао, эту «золотую канарейку», из его клетки. Конечно, формально это было проявлением гостеприимства со стороны Е Тао, который сопровождал гостя.

Сегодня было жарко, и Е Тао не смог выйти на улицу, поэтому они прогулялись по усадьбе. Гуань Бин впервые оказался во внутренних покоях семьи Чжоу и впервые так близко увидел так хорошо сохранившийся двор в стиле сыхэюань. Он был полон любопытства.

Был конец лета, и осенняя жара все еще давала о себе знать. Золотые рыбки в пруду, казалось, прятались от зноя под листьями лотоса. Гуань Бин бросил несколько кусочков корма, и рыбы всплыли. Баобао, стоя на краю пруда, попытался поймать одну из них лапой, но рыбы испугались и скрылись в глубине.

Сяо Чэн принес кувшин с кислым напитком из сливы мирабель и поставил его на каменный стол под навесом. Гуань Бин, держа на руках Баобао, присоединился к Е Тао в беседке и с восхищением произнес:

— У вас здесь так тихо. Снаружи шум и суета, а внутри — глубокая тишина. Выходя из ворот, словно переходишь из одной эпохи в другую. — Он оглядел Е Тао и с улыбкой добавил:

— Этот дом похож на раковину, а ты — на жемчужину внутри нее, гладкую и чистую, незапятнанную пылью.

<http://bllate.org/book/17687/1650222>